

2 октября, 22:00.

До полуночи 3 октября оставалось два часа.

Ночь, которой суждено было стать бессонной.

Открытая площадка для жертвоприношений была размером примерно с баскетбольную, ориентированная с севера на юг. До сегодняшнего дня Бай Циюй и не подозревал, что в этом на первый взгляд неприметном «зале» бабушки Ло, помимо роскошных внутренних помещений, скрывается столь огромное пространство.

В самом центре возвышался круглый помост площадью около пяти квадратных метров. Под ним пустовали места для костров, стояли огромные латунные подносы для жертвенных даров и два странных двухметровых чучела на шестах.

Над площадкой, словно слоями, нависали белоснежные полотна. Они тянулись от восьми углов площадки, сходясь в одной точке над центром помоста. Каждая основная веревка ветвилась на множество тонких нитей, с которых свисали густые кисти и бахрома. Форма у этих кистей была необычная: они напоминали закручивающиеся спирали, соединенные ромбы или скрюченные, скованные по рукам и ногам фигуры людей, которые в немом крике пытались вырваться на свободу. Такие кисти назывались «либука», что в старом шаманизме означало «добрую энергию». Их по одной вручную плели из белых нитей дима, прослужившие более десяти лет. Потребовались тысячи таких кистей.

Места пересечения веревок были туго стянуты желтой промасленной бумагой с нанесенными на нее сложными заклинаниями. Такая конструкция казалась хаотичной, но на деле каждая нить была натянута, как струна. При порывах ночного ветра они издавали долгий, странный звук, напоминающий плач призраков. Что еще удивительнее, полотна, тонкие на вид, как шелк, оставались неподвижными. Если смотреть сверху, это напоминало коварную и жуткую паутину, оплетающую останки тысяч жертв. Любой случайный прохожий пришел бы в ужас: что это за колышущееся море белого цвета? Неужели из бездны ада хлынула орава демонов?

Под этими полотнами, источавшими гнетущую и в то же время пугающе святую атмосферу, на земле уже горели три круга свечей. Они были расставлены по странному принципу, напоминающему неевклидову геометрию. Похоже на концентрические круги, но при ближайшем рассмотрении — нет. Каждый уровень «круга» соединялся с другим причудливыми изгибами, перекликаясь с «либукой» наверху и образуя сеть из паутины и огня, словно готовясь запереть жертву в центре до самой смерти.

Свечи окружали площадку слой за слоем. Казалось бы, всего лишь огоньки, но они освещали ночное небо, словно звездная река, и горели так тихо и неистово, будто ждали пришествия некоего великого существа. Двор заполнился алым светом; всё вокруг стало красным, словно мир заволочло кровавым туманом. В небе и на земле остались только красный, белый и черный цвета, и от долгого созерцания это вызывало сильное душевное потрясение и тошноту.

Дима, облаченные в сложные парадные одеяния, с суровыми лицами перемещались сквозь этот

адский огонь. Никто не поднимал глаз, никто не смотрел вниз, все двигались быстрым, странным шагом — вперед-назад, вперед-назад... словно муравьи-рабочие. Их наряды были уникальны, не похожи ни на одну известную эпоху: штанины плотно облегли голени, что было удобно и при этом сохраняло торжественность и связь с божественным. В руках они несли деревянные квадратные подносы с жертвенными дарами.

Головы быка, барана и свиньи были уложены треугольником прямо под гигантским круглым помостом. Бычья голова была пугающе огромной, словно передняя часть адской колесницы; двое мужчин едва могли ее нести, а черные рога выглядели устрашающе. Слева от голов были вбиты в землю двадцать четыре «духовных гвоздя», к которым крепились одежда Бай Циюя, его фотографии и желтая бумага с его именем и датой рождения. Справа лежали толстые пучки благовоний, готовые к возжиганию. Под благовониями, словно горы, возвышались кроваво-красные пампушки, пирамиды из золотых и серебряных слитков, бумажные деньги и башни из сигарет. Всё это было окружено кувшинами с густой черной жидкостью, содержимое которой невозможно было угадать.

У ворот зала бабушки Ло медленно остановились два грузовика с надписью «Скот Чжан Цяншэна». Долго ожидавшие мастера-дима поспешили навстречу, выгрузили купленное Бай Циюем и Ли Таогэ на рынке и после быстрой проверки доставили всё на площадку. Шесть крепких мужчин, подхватив туши барана, быка и свиньи, развесили их на стойках слева, справа и позади площадки. Крюки пронзали шеи, и туши безжизненно свисали вниз. Издалека они напоминали трупы людей, раскачивающиеся на ночном ветру.

Напоследок высокопоставленный дима по имени Ван принес двух белых и двух черных петухов, удерживая их обеими руками, и оставил ждать начала.

Пэй Шичжун и невестка Хань, стоя по обе стороны от галереи, вели записи. Пэй тихо спросил дима:

— Вторые духи готовы?

Дима прошептал в ответ:

— Мастер Цинь готов, младшая наставница Ли еще настраивает барабан и колокольчики.

Невестка Хань вздохнула:

— А что с Ли Таогэ?

— Пока нет связи.

Пэй Шичжун замялся:

— Если до полуночи не удастся связаться...

— Ритуал пройдет по плану, — резко и строго перебила его невестка Хань. — Что бы ни случилось, нельзя прерывать сегодняшний ритуал.

— Что бы ни случилось, нельзя прерывать сегодняшний ритуал.

В то же время в главном зале бабушка Ло, стоя спиной к Бай Циюю, произнесла это низким голосом. Пэй Шичжун уже давно принес ее ритуальное облачение, но бабушка всё еще не переоделась. Белое одеяние, на удивление простое по сравнению с другими, висело на вешалке. Сейчас она еще не была Мастером Цзинцзуном. На ней был розово-зеленый свитер, она выглядела бодрой и привлекательной, на шее поблескивало жемчужное ожерелье, волосы не были уложены, а короткие кудри свободно падали на плечи, обнажая седые корни. Она даже сделала селфи на телефон, смеясь и приговаривая: Если мы провалимся, это будут последние кадры.

У Бай Циюя сжалось горло:

— Бабушка...

Это был второй раз, когда он видел бабушку Ло такой, как обычную пожилую женщину. В главном зале погасли даже семицветные лампы, которые, казалось, горели вечно. На высоком алтаре статуи святых погрузились во тьму, а черные тени делали записи в книгах храма еще более мрачными и зловещими.

Сам Бай Циюй был не так спокоен, как казалось. Видя, что бабушка стоит к нему спиной, он невольно начал грызть ногти, издавая неприятный хруст. Ему было трудно не думать о том, что будет в случае провала. Прошлой ночью Он снова приходил к нему, чтобы поставить ультиматум. Он, казалось, почувствовал, что Бай Циюй затевает неладное, но ни капли не встревожился. Во сне — или не во сне — Он крепко обнимал его, прижимая к себе, словно маленького ребенка, так что Бай Циюй всем телом утопал в Нем. Его скользкие конечности, от прикосновения к которым становилось тошно, обвивали его со всех сторон. Бай Циюю казалось, что Он повсюду: в комнате, снаружи, даже в тенях этой земли.

Он сказал:

— 4 октября ты уйдешь со мной.

— Куда?

— Исполнять мое обещание.

Бай Циюй не мог не вспомнить ту съемную квартиру, из которой невозможно было сбежать, и у него начался приступ паники. Слезы хлынули из глаз, тело затряслось, кожа горела огнем, а затылок болел так, что в голове становилось пусто. Но он стиснул зубы и не издал ни звука. Он не будет молить о пощаде. Это единственное самоуважение, которое у него осталось.

А как отреагировал Он? Он слизывал с лица Бай Циюя слезы, блеск глаз и всю боль. Он, казалось, не понимал, почему Бай Циюй так напуган. На объятия и поцелуи не было никакой реакции, и Ему пришлось нажать на виски Бай Циюя — тот потерял сознание.

Об этом коротком кошмаре он не рассказал бабушке Ло. Он все еще тешил себя надеждой, что Он просто отчаянно цепляется за жизнь. Но в то же время он боялся: а вдруг, если он скажет об этом вслух, это станет пророчеством?

Перед ним бабушка Ло заварила чай Сюэцин после дождя. Это был первый урожай с вершины горы Тайшань после заморозков, горький, но согревающий. В полумраке зала поднимался густой пар. Бабушка посмотрела на его бледное, потерянное лицо и тяжело вздохнула. Затем, пристально глядя ему в глаза, она произнесла по слогам во второй раз:

— Что бы ни случилось, нельзя прерывать сегодняшний ритуал.

— Да...

— Запомнил?

— Запомнил.

Маленькая чашка стукнула о деревянный поднос, окутанная паром.

— Подумай еще раз. В воде, кроме телефона, больше ничего нет?

Бай Циюй тщательно обдумал всё еще раз и спустя долгое время ответил:

— Больше ничего.

— А следы на горе?

— ...На горе не останется никаких следов.

— Ты помнишь, что нужно сделать, когда вернешься в общежитие старого управления землеустройства?

— Помню.

— Повтори мне.

— ...Сжечь все личные вещи, — голос Бай Циюя охрип. — А потом... переехать, уехать из Цзиндэ.

— И еще.

— Бабушка, обязательно так поступать? Он просто верил не в то...

— Прах к праху, земля к земле, мертвая душа покидает кости и плоть, это не связано с верой, — вздохнула бабушка Ло. — Только так всё может закончиться.

Бай Циюй с трудом сглотнул и сдавленно произнес:

— Я понял. Я заставлю виновника успокоиться.

— Помни, это единственный шанс стать целым, — бабушка Ло пристально смотрела ему в глаза, повторяя в третий раз: — Что бы ни случилось —

Бай Циюй прошептал вместе с ней:

— Нельзя прерывать ритуал.

Даже Мастер Цзинцзун вселился в нее, чтобы дать наставление:

— Он отличается от нас так же, как мы отличаемся от вас.

В сумрачном зале слышалось лишь потрескивание свечей. Мастер Цзинцзун произнес каждое слово отчетливо:

— Духи бывают сильными и слабыми, добрые духи — это хорошая одержимость, но, к сожалению, плохих больше. Но Он... Они сами по себе — зло. Они всегда будут злом. Никогда не жаль Его. Так же, как Он не пожалеет человека. Земля не жалеет океан. Помни, помни... что бы ни случилось...

— Нельзя прерывать ритуал.

...

23:50.

Бай Циюй закончил омовение, обмазался землей с горы Тайшань и лег среди слоев свечей в главном зале. Пэй Шичжун и трое дима стояли спиной к нему по четырем углам массива, на их лицах были наклеены записки с данными о четырех столпах судьбы Бай Циюя. Они стояли неподвижно.

Снаружи, на открытой площадке, Мастер Цзинцзун с величественным видом направился к еще не зажженному костру. В белом одеянии, с широкими рукавами, он замер под порывами ночного ветра и вспышками свечей. Рядом с костром двадцать четыре дима уже были наготове. Во главе стояли Цинь Гуаньхэ и Ли Симин. Их лица были густо раскрашены семицветным гримом, на головах — традиционные шаманские шапки. Слева дима-мужчина высоко поднял барабан У-вана и кнут Вэнь-вана; справа дима-женщина — колокольчик для призыва душ и сосуд с очищающей водой. Их пестрые одежды напоминали самых ядовитых и красивых существ природы, как врата ада и проводники в мир иной.

Невестка Хань у входа во двор ударила в латунный гонг.

Раз — очищение ауры.

Два — прояснение взора.

Три — сотрясение душ.

Четыре — призыв трех тысяч.

Пять — благоприятный час, музыка, призыв богов!

Полночь.

В это же время жители деревни в черте города почувствовали неладное и выглянули в окна. В тихой, темной ночи, казалось, ничего не изменилось: светофоры мерно переключались, на «зебре» виднелись лишь возвращающиеся домой молодые люди. Но... было чувство, будто мимо

пронеслось что-то огромное.

Поднялся зловеющий ветер.

Ли Симин и Цинь Гуаньхэ громко закричали:

— А-ца-ай-о!

Цинь Гуаньхэ забил в барабан Вэнь-вана в уникальном ритме; Ли Симин, внимательно вслушиваясь в таинственный и торжественный ритм барабана, быстро включилась с колокольчиком. Звуки барабана и меди заполнили пространство под белыми полотнами, заставив свечи вспыхнуть с новой силой.

Бабушка Ло пришла в движение. В обеих руках она держала древний нож длиной больше метра и, что-то бормоча, направилась к костру. Под странный ритм барабана, от которого гудела голова, бабушка внезапно вытаращила глаза, белки их задрожали и закатились вверх. Она высоко подняла оба ножа и принялась яростно рубить воздух. Она прыгала, вращалась, совершая движения, лишённые порядка, но при этом гармоничные, недоступные пониманию обычного человека, и металась перед жертвенными головами животных.

Она сделала большой глоток масла, схватила белого петуха, свернула ему шею — тот даже не успел пикнуть — и на него брызнула теплая кровь. Затем она набрала в рот петриной крови и с громким криком «А-а-ай-о!» выплюнула ее на костер.

Костер вспыхнул! Огромное пламя взметнулось вверх, и в одно мгновение площадка стала светлой, как днем. Языки пламени изгибались, принимая немыслимые формы: то горы, то сложного величественного дворца. Все дима вздрогнули: это... пришествие Мастера Цзинцзуна. Несравненное величие, полубог, перед которым склонились пять великих святых...

Огонь и свет свечей сплелись воедино, площадка потеряла все тени! Словно получив сигнал, тело бабушки Ло неестественным образом выгнулось назад, ее выражение лица стало еще более безумным, она начала неконтролируемо дрожать и закричала. Ярость ножей становилась всё сильнее, они скреживались с металлическим звоном.

Внезапно бабушка Ло развернулась и метнула один нож прямо в тушу барана. Ужасало то, что сила удара, способная разрубить дерево, при контакте с мясом отскочила, словно от невидимой преграды. Мягкая баранина осталась невредимой!

Первая атака провалилась. Бабушка Ло с яростным ревом бросила ножи, схватила из костра факел, прокричала проклятие, и как только сердцевина пламени почернела, швырнула его в барана!

Получилось.

Как только пламя коснулось мяса, оно вспыхнуло, словно искра попала в нефтяное месторождение! Еще более странным было то, что из туши, из которой давно спустили кровь, начала сочиться густая черная жидкость!

Увидев это, Ли Симин и Цинь Гуаньхэ забили в барабаны и колокольчики еще быстрее. Бабушка Ло подняла руку, и второй черный факел полетел в другую половину туши. В черном пламени брызнула густая, как нефть, кровь! В воздухе раздались аномальные хлопки, словно взрывалось что-то невидимое.

Бабушка Ло безумно захохотала, глядя в небо, и взревела:

— А-а-а-а! Убивать, убивать, убивать!

Среди этого дикого, нечеловеческого смеха она подхватила еще четыре ножа и с высокомерным видом вонзила их по одному в туши свиньи и быка. В этот раз никакой невидимой преграды не было. Черная кровь хлынула рекой. Она стекала на землю, образуя отвратительные узоры, жидкость словно шевелилась, издавая в огне предсмертный шипящий звук.

В воздухе стоял резкий запах благовоний, смешанный с приторно-сладким ароматом, словно тысячи гниющих фруктов разом начали бродить. Ли Симин внезапно почувствовала вкус крови во рту и ее вырвало. Но ее руки не переставали бить в колокольчик, создавая вместе с барабаном невидимую сеть, умиротворяющую души на этой земле.

Затем бабушка Ло, продолжая хохотать, подошла к двухметровым чучелам. Она перекусила шею черного петуха, выпила горячей крови, которая стекала по ее лицу и шее, пачкая белое одеяние, словно она была самым злым призраком. Затем она схватила два гвоздя длиной с предплечье и вогнала их в головы чучел!

В главном зале Бай Циюй, уже погружавшийся в сон, внезапно широко открыл глаза — острая боль пронзила каждый дюйм его тела!

— Кх-кх! Звяк! Звяк-звяк!

Словно тысячи ножей вонзились в него, кромсая плоть и выпуская кровь. Неизвестно почему, эта боль казалась такой знакомой, будто он уже переживал ее раньше... Бай Циюй тут же вспомнил кошмары, в которых его расчленили, но те сны не были такими реальными... Сосуды и плоть рвались, раны горели, словно их поливали солью, он бился в конвульсиях и не мог сдержать крик:

— Спасите... меня... Нет! Не надо, а-а-а!

Вместе с болью от тысяч порезов пришло сводящее с ума ощущение жара. У него возникло иллюзорное чувство, что он стал десертом на столе или куском мяса, которое жарится в котле, и безжалостное пламя поглощает его...

— Прекрати!

Сквозь пустоту, вызванную невыносимой болью, Бай Циюй открыл глаза и увидел бабушку. В глубине памяти пожилая женщина с размытым лицом тревожно семенила к нему на своих маленьких ножках и навалилась сверху.

— Мой внучек... мой маленький внук, кто тебя обидел!

— ...Бабушка?

— Это я, мой Ци-ци...

Бабушка крепко обняла его, ее худые, но теплые объятия пахли знакомым стиральным порошком. Она всхлипнула:

— Бабушка всегда была с тобой. Кто бы от тебя ни отказался, бабушка всегда тебя защищала...

Бай Циюй больше не мог сдерживаться и зарыдал:

— Столько лет, где ты была?

Он хотел спросить о многом, но боль притупила разум, хотя он еще не сошел с ума окончательно. Он лучше всех знал, что это ложь. Потому что бабушка умерла больше десяти лет назад. Но именно потому, что это была ложь, он мог довериться ей. Бай Циюй рыдал в объятиях «бабушки», оплакивая свою судьбу и то, почему эта галлюцинация не может быть правдой. Бабушка бережно обнимала его, утешая, как в детстве после обид.

Бай Циюй внезапно вспомнил давно забытый эпизод. Это было жаркое лето, когда даже стрекот цикад казался вялым. Бабушка вела его по горной тропе, где заросли были густыми, а плиты нагрелись так, что жгли ноги. Ветер тоже был горячим, как расплавленный металл.

Сквозь плач Бай Ци он слышал, как бабушка терпеливо утешала его:

— Потерпи, мой хороший... еще несколько сотен метров, нет, несколько десятков, и дойдем.

«Хороший»? Да, в детстве он был очень плаксивым, соседка говорила, что он «сделан из воды». Хотел есть — плакал, устал — плакал, обидели — тем более плакал. Но он был красивым, с алыми губами и белыми зубами, и когда он капризничал, всем казалось, что он прав, и все должны его баловать.

— Почему твой мальчик такой изнеженный?

— А что такого?

— Да еще и немой, кто за него замуж пойдет, когда вырастет?

— Не пойдет и не надо! Наша семья его прокормит!

Бабушка прогнала соседку и утешала Бай Ци:

— Изнеженный так изнеженный, кто сказал, что мальчикам нельзя быть такими?

Так его детское прозвище Ци-ци сменилось на «хороший».

На жаркой горе маленький Бай Ци все еще всхлипывал, не переставая жестикулировать:

«Я не хочу подниматься, я не хочу идти, я хочу домой, мне так больно...»

Бабушка тоже плакала, причитая, какая она бесполезная, почему ее непутевый сын и невестка так рано умерли, оставив ее с сиротой. Но ее руки были сильными и теплыми, и она ни на секунду не останавливалась.

— Скоро дойдем. Хороший, ты помнишь, что я говорила? Войди, не смотри дедушке Кунду в глаза, встань на колени, сделай девять раз по девять поклонов, а потом назови его отцом, пусть дедушка Кунду тебя защитит! Запомнил?

Как только Бай Ци слышал это странное имя «бога», на его лице появлялось отвращение. Такой маленький ребенок должен был быть невинным и живым, но этот взрослый, полный негатива взгляд пугал. Ребенок с детства был таким: когда все молились, он в упор смотрел на статую; когда все падали на колени, он стоял с раздражением и ненавистью, словно чужой. Все местные знахарки говорили, что в нем сидит нечисть, поэтому он так ненавидит дедушку Кунду. И что именно поэтому он так рано погубил родителей.

«Я не хочу, почему я должен называть его отцом... У меня нет отца! Эта штука мне не отец!»

— Слушайся!

Бабушка всхлипывала, ее старческие глаза были красными и опухшими.

— Хороший мой, когда бабушки не станет, что ты будешь делать? Ты должен назвать его так, слышишь?

«Я не хочу, чтобы бабушки не стало! Я не согласен!»

Бабушка рыдала:

— Это, может быть, в последний раз, когда ты меня слушаешься, не капризничай, мой хороший...

Бай Ци был заведен бабушкой в храм почти силой. В старом храме было холодно и темно, воздух был густым; ветер носил черную пыль. В центре стояла статуя высотой почти четыре метра, чья голова упиралась в потолок. У нее была неестественно большая голова и тонкая шея, словно хрупкая ветка, на которой держалась опухоль, готовая вот-вот отвалиться. Там, где должны были быть глаза, всё выветрилось, превратившись в тысячи ржавых дыр, напоминающих соты. Поза статуи тоже была странной: голова наклонена, руки за спиной сложены в жесте, обратном обычному. Если бы кто-то хоть немного понимал буддийские каноны, он бы в ужасе закричал: «Злой дух!». Ведь в некоторых местах говорили, что только зло делает что-то «наоборот» по отношению к живым.

Бабушка сказала, что горного бога зовут Бамола Кунду, что он защитник их деревни, и все называют его дедушка Кунду.

— Быстрее, вставай на колени, — дрожащим голосом сказала бабушка. — Хороший, встань на колени! Встань на колени!!

Тогда Бай Ци был еще совсем маленьким. Слишком маленьким, чтобы понимать многие вещи.

И это привело к решению, о котором все жалели всю оставшуюся жизнь.

<http://bllate.org/book/18696/1807006>